

Только что выпустившая новый альбом и получившая приз как „лучшая певица последних двадцати лет“ **МИЛЕН ФАРМЕР** — объект исследования PLAY.

Текст Милослав ЧЕМОДАНОВ

Милена,

КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

(И, ВОЗМОЖНО, НЕ БУДЕТ)

Глава 1. Фрэнсис

Она родилась 19 сентября, и старожилы вспоминают, что в том году осень в Сиэтле была теплее, чем обычно. Надо сказать, Фрэнсис росла очень красивой девочкой. У нее были большие глаза и роскошные длинные волосы, так что она сводила с ума мужчин еще тогда, когда была ребенком. Стоит ли удивляться тому, что из нее получилась настоящая голливудская звезда. Когда Фрэнсис получила свою первую роль в кино, ей только исполнился двадцать один год. „Она просто умница, моя девочка, — с гордостью сообщала газетчикам ее мать, — поверьте, она не очередная вертихвостка! У нее пылкий ум!“ Любая мать хвалит свое дитя, но, судя по всему, в словах доброй родительницы Фрэнсис не было преувеличения. В двадцать четыре девушка аккуратно делила свое время между работой в ненасытном Голливуде и в вашингтонской газете левацкого толка, успешно совмещая в себе образы старлетки и активной коммунистки. Вот она на съемочной площадке, а на следующий день уже шлет в редакцию репортажи из Советского Союза.

Свое тридцатилетие Фрэнсис встречала в психиатрической больнице. Она пришла на суд нетрезвой — так говорили. Ей светил штраф за включенный

дальний свет фар в военное время. 500 долларов — тогда это было немало. Говорили, что вздорная актриса кричала на судью. Фрэнсис тогда получила 180 дней тюремного заключения, но усилиями родных была переведена в клинику для психически больных. Так вышло, что там она провела следующие семь лет. Причины — врачебная тайна, но Фрэнсис пытались там сделать нормальной с помощью электрошока. Спустя годы она появится на популярном телешоу на национальном канале и скажет: „Всю свою жизнь я была здорова“, а вскоре умрет от рака. Еще через двадцать три года странная жизнь Фрэнсис Фармер вдохновит другого жителя Сиэтла написать о ней песню. В 1993 году Курт Кобейн будет петь „Она вернется огнем, чтобы сжечь всех лжецов“ (песня „Frances Farmer Will Have Her Revenge On Seattle“, Nirvana, альбом „In Utero“).

Глава 2. Лоран

14 июня 1961 года у супругов Бутонна, проживавших в южной части Парижа, родился первенец, получивший простое французское имя Лоран. Супруги Бутонна оказались парой крепкой и с оптимизмом смотрящей в будущее — и за следующие

несколько лет произвели на свет еще четверых здоровых младенцев, оставив своего старшего на воспитание учителям из иезуитской школы, что, увы, не доставляло радости ни ему, ни иезуитам. Лоран оказался исключением из общей идиллии, царившей в доме Бутонна, — замкнутость и мрачная эксцентричность мальчика долгое время внушали родителям чувство тревоги за его здоровье. В школе ему не давалась практически ни одна из важнейших наук, за исключением лишь литературы. С пяти лет он занимался с преподавателем игрой на фортепиано, но, к сожалению родителей, и это не вызывало у него заметного интереса — до тех пор, пока в качестве подарка на девятый день рождения ему не было позволено пользоваться отцовской камерой. С этого момента Лоран удивительно меняется — он один за другим снимает на камеру киноэтюды и подолгу сосредоточенно сидит за пианино, сочиняя к ним звуковое сопровождение. В возрасте десяти лет он демонстрирует родителям готовый двадцатиминутный фильм, по сюжету являющийся перенесенной в город историей олененка Бэмби. Лорану — семнадцать. Теперь он — высокий улыбчивый брюнет, уже два года как бросивший иезуитский колледж, не в первый раз, но теперь уже окончательно. Он снимает младшего брата в своей первой настоящей кинокартине полупорнографического содержания. ▣

Фильм называется „Баллада о фее-путеводительнице“ и становится причиной трех совещаний в комитете по присвоению прокатной категории. Оказывается, что 17-летний режиссер снял фильм, не допустимый для просмотра зрителями до 18 лет.

Глава 3. Мари-Элен

12 сентября 1961 года в местечке под названием Пьеррефонд, том, что сегодня является одним из районов Монреаля, а тогда еще числилось пригородом, Маргарита Гутье родила девочку, нареченную вскоре Мари-Элен. Муж Маргариты Макс работал инженером на строительстве дамбы на реке Оттава — сама же она сидела дома с детьми: Мари-Элен, Бриджит, Мишель и Жаном-Лу. В дошкольном возрасте Мари-Элен, которую в семье быстро привыкли звать для краткости Милен, редко играла с сестрами и братом, зато проявляла живой интерес к насекомым, представленным в местной биосфере в особом разнообразии во многом благодаря близости реки, — увлечение, способное показаться странным, но вполне естественное для ребенка. Как говорят, увлечение это резко сошло на нет, когда семья Гутье покинула Пьеррефонд и уехала в Париж.

Как многие подростки, Мари-Элен ходила в школу без особой охоты; казалось, единственное, что ее интересовало — лошади. Впрочем, и ее пристрастие к посещениям конюшни угасло через два года. Когда Мари-Элен исполняется семнадцать, она бросает школу, чтобы осуществить свою главную теперь уже мечту — стать кинозвездой. Представляясь как Милен Гутье, она пытается найти свою дорогу в шоу-бизнес, но пока что получает только разовые подработки как фотомодель в рекламе ножниц фирмы „Fiskars“ и мебели от „ИКЕА“, а на жизнь зарабатывает, став продавщицей обуви. Потом — гигиенистом в стоматологии. Ассистентом гинеколога. Сложно сказать, продолжала ли она еще верить в то, что станет актрисой, в тот момент, когда пришла на прослушивание участниц конкурса на место исполнительницы песни „Maman a tort“, устроенное Джеромом Дааном и Лораном Бутонна.

— **Расскажите о ваших самых ярких воспоминаниях.**

— Уверена, что когда-то таковые были. Сейчас же все они как будто стерлись. (Из интервью Милен Фармер радио Берси, 1996 г.)

Глава 4. Милен

— Вы помните, как вы впервые встретили Милен Фармер?

— Она была совершенна... в своей прекрасной психотичности. Я понял, что буду работать с ней, как только ее увидел — даже до того, как услышал, как она поет. (Из интервью с Лораном Бутонна Второму каналу французского телевидения, 1986 г.)

— **Вы помните, как вы впервые встретили Лорана Бутонна?**

— Я помню, что меня поразили его глаза, такие вежливые и безумные одновременно.

(Из интервью Милен Фармер журналу „Studio Magazine“, 1994 г.)

В 1983-м девушка соединила в творческом псевдониме свое детское прозвище и фамилию любимой актрисы,

**„ОНА БЫЛА СОВЕРШЕННА...
В СВОЕЙ ПРЕКРАСНОЙ
ПСИХОТИЧНОСТИ. Я ПОНЯЛ,
ЧТО БУДУ РАБОТАТЬ С НЕЙ,
КАК ТОЛЬКО ЕЕ УВИДЕЛ“**
ЛОРАН БУТОННА

известной не столько своими ролями, сколько страшными моментами своей биографии. На вопрос о том, что ее вдохновляет, Милен Фармер отвечает: „Дети-аутисты“. Услышав вопрос о том, что в детстве было самой ее большой мечтой, говорит: „Быть актрисой. Сниматься в кино“. Всю свою творческую жизнь она связала с композитором и режиссером клипов Лораном Бутонна, не имеющим сколько-нибудь толкового музыкального образования виртуозом и безумцем видеоряда. Связала настолько плотно, что даже самый острый глаз не увидит грань, где заканчивается Бутонна и начинается Фармер. На протяжении двадцати лет одной из самых ярких звезд Европы без видимых усилий удается оставаться для своих поклонников загадкой — других подобных примеров нет и, возможно, не будет. Милен Фармер — это волнующие образы из клипов, надрыв, почти физически ощущаемый в каждом, даже самом нежном или сквозь смех пропетом слове. Слова, написанные Бутонна. Картинки, придуманные Бутонна. Кто может заявить, что видел Милен Фармер такой, какая она есть, хоть на минуту, без этих образов и звуков из головы Лорана Бутонна? Кто сможет

заявить, глядя на экран, что каждый взгляд, каждая улыбка не появились сначала в голове Лорана, чтобы потом их перед его камерой воспроизвела она? Есть ли она, Милен Фармер, без Бутонна? Или все это — ярчайший в истории „продюсерский проект“? В таком случае придется поклониться колени и признать нервного французского месье чуть ли не богом, по сравнению с которым прочие признанные мастера манипуляций поп-персонажами, все эти предводительные собой иваны шаповаловы — одно пустое место.

Нет никаких доказательств того, что Милен Фармер — лишь роль, но нет и доказательств обратного. Она дает интервью, из которых можно почерпнуть такие важные факты, как сведения о том, что ей нравятся Тарковский и Де Ниро. Она теперь работает не только с Бутонна: с разными композиторами, разными режиссерами (включая Люка Бессона и Абея Феррару) — и все равно повторяет, что она

и Бутонна — это одно целое. Она ездит в турне с концертами. Поет без фонограммы. Трогательный момент: во время песни „Rever“ эмоции переполняют Милен, ее голос срывается. Милен плачет. Народ — в смятении, поет и плачет вместе с ней. И пусть на другой день все повторяется: концерт, „Rever“, Милен в слезах — образ настолько красив, что мало кому важно, насколько он реален.

Милен Фармер — это сто разных образов и в то же время всегда один — как будто тот самый, возникший в голове Лорана Бутонна в тот момент, когда он увидел ее на прослушивании в 1984-м — эту 23-летнюю кудрявую рыжую девушку из рекламы ножниц, мечтавшую об актерской карьере. Тот самый образ девушки, „совершенной в своей прекрасной психотичности“. Образ, на основе которого он с возведенного в абсолют согласия своей подопечной на протяжении двадцати лет создает то, что нам известно под именем Милен Фармер. Есть ли Милен Фармер или она от начала до конца придумана Лораном Бутонна и Мари-Элен Гутье? Это вопрос, на который ни он, ни она ни в одном интервью не отвечают. Мари-Элен, как и в детстве, мало общается с людьми. Она живет в Лос-Анджелесе, неприметная на фоне яростной армии тамошних звезд. За Мари-Элен не гоняются папарацци. Она спокойно ходит за покупками и просто гуляет по городу.

В марте 2005 года Милен Фармер присужден приз „Victoires de la musique“ как „лучшей певице последних двадцати лет“. На церемонии награждения она не появилась. ■

PLAY
РЕКОМЕНДУЕТ

Рецензию на новый альбом Милен Фармер „Avant que l'ombre“ читайте в предыдущем номере PLAY

ВСЕ ЦВЕТА: РЫЖИЙ

Студийные альбомы Милен Фармер

Текст Милослав ЧЕМОДАНОВ

„CENDRES DE LUNE“

▶▶▶

Дебютный диск Милен Фармер вышел, когда она уже была между народной звездой. За год до этого песня „Maman a tort“ попала на европейское MTV, во многом благодаря шокирующе сексуальному

тексту и провокационному видеоряду. В это время западный мир и открыл Милен Фармер — рыжую девушку с внешностью подростка, рассуждающую о мастурбации и содомии, с ее крупнобюджетными десятиминутными клипами на пятиминутные песни. Включаящий помимо „Maman a tort“ еще два больших хита „Libertine“ и „Tristana“ альбом делает 25-летних Фармер и Бутонна поп-звездами новой формации. Сегодня более интересен с исторической точки зрения, чем с музыкальной.

„AINSI SOIT JE...“

▶▶▶▶

Безупречная поп-пластинка. Десять песен, создающих исключительно привлекательный образ необыкновенной романтической героини. Три международных хита поддерживаются в телеэфире еще

более сексуальными и дорогими, чем прежде, видеоклипами (в съемках „Pourvu qu'elles soient douces“ принимает участие больше 600 человек!). Фармер крушит конкурентов на ниве как танцевальной музыки (с песней „Sans contrefaçon“), так и баллад (с заглавной вещью). Только в одной Франции продано более миллиона копий этого альбома (как и двух последующих).

„L'AUTRE...“

▶▶▶▶

Более богатые, свойственные 90-м аранжировки. Более мрачная пластинка. Бутонна и Фармер создают цельный драматичный альбом, своего рода поп-оперу для одной актрисы. Ровно половина альбома

попадает в горячую телерадиоротацию (особо отметим „Beyond My Control“ и „Regrets“). Сингл на песню „Desenchantee“ отмечен в Книге рекордов Гиннеса как „самый продаваемый сингл в мире“.

„ANAMORPHOZEE“

▶▶▶▶

Еще одна блестящая поп-опера. Милен Фармер расширяет рамки своего образа, выступая на одной пластинке, кажется, во всех возможных амплуа сразу. Здесь вам и „бросьте жертву

в пасть Ваала“, и „жил на свете добрый жук“. Последний стопроцентно „коммерческий“ альбом певицы — набор из совершенно различных по исполнению песен (среди хитов — „Rever“, „California“, „XXL“, „L'Instant X“, „Comme j'ai ma!“) слушается на одном дыхании. Пластинка попала в Книгу рекордов Гиннеса как „лучший экспортный альбом“.

„INNAMORAMENTO“

▶▶▶▶

Более чем наполовину написанный самой мадемуазель альбом мелодически сложнее предыдущих. Из тринадцати песен — при их безусловной красоте и драматичности — от силы две отве-

чают требованиям радиозфира. Не по причине какой-то особенной их нецензурности, но из-за некоторой мелодической громоздкости. Альбом подробный и долгий, но наличие таких песен, как „Dessine-moi un mouton“, „Je te rends ton amour“, „L'ame stram-gram“ и „Innamoramento“ делает его почти шедевром.